

УДК 340.158(470)

*Кодинцев А. Я.
Kodintsev A. Ya.*

**ОТ БЕЗЗАКОНИЯ К «ЗАКОННОСТИ»:
ПЕРЕСТРОЙКА ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ В 1933–1934 ГОДАХ**

**FROM LAWLESSNESS TO “LEGITIMACY”:
THE JUDICIAL BODIES RESTRUCTURING IN 1933–1934**

Публикация раскрывает момент перехода органов юстиции от массовых репрессий начала 30-х годов к «законности». Переход сопровождался структурными изменениями органов юстиции в соответствии с производственно-территориальным принципом.

The paper considers the transition of the judicial bodies from the purges in the early 1930s to “legitimacy”. The transition was accompanied with structural changes of the judicial bodies based on their function, and location.

Ключевые слова: законность, оперативное управление, производственно-территориальный принцип.

Keywords: legitimacy, operational management, function and location-based structure.

К числу малоизученных страниц советской истории относится борьба за власть в системе органов советской юстиции накануне Большого террора. В этой борьбе столкнулись интересы трех группировок. Еще в 1950–60-е годы современники и косвенные участники той борьбы глухо намекали на противостояние внутри органов юстиции. Но, как правило, все ограничивалось указанием на «ненормальные отношения» без анализа и объяснения причин этой борьбы.

В 90-х годах на борьбу или «дискуссию», как выражались многие юристы, обратил внимание И. Л. Лезов. В своей диссертации исследователь проанализировал политические схватки в 20-х – начале 30-х годов. В конце работы автор рассмотрел историю разработки положения о судеустройстве СССР в 1934–1938 гг. Исследователи рассматривали борьбу за власть между юристами в русле дискуссии о путях развития советской юстиции. Британский ученый Ю. Хаски описал часть борьбы. Подробно проблему столкновений между руководителями юстиции проанализировал В. М. Сырых. В наибольшей степени историю столкновений исследовал П. Соломон. В своем масштабном исследовании автор подробно разбирает перипетии борьбы между деятелями юстиции в сталинскую эпоху [24, с. 79–88; 35, с. 79–88; 37, с. 116–120, 148–172, 179–182, 228–250; 39, с. 310–312, 320–321, 324–349, 358–384; 40, с. 142–150, 155–159].

В годы культурной революции и Большого перелома (1928–1933 гг.) Н. М. Янсон и Н. В. Крыленко многое сделали для разрушения системы юстиции, которая складывалась в 20-е годы. В РСФСР почти уничтожили нотариат, чистили адвокатуру и коллективизировали коллегии защитников. Были ликвидированы гражданские коллегии областных и верховных судов, классическое судопроизводство исчезло, часть судебных функций были переданы общественным судам. Оставшиеся органы юстиции были ориентированы на проведение массовых репрессивных кампаний против крестьян и «буржуазного элемента». Инструкция ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 8 мая 1933 г. положила конец массовым кампаниям против населения. Перед органами юстиции встал вопрос о дальнейшей организации и направлении их деятельности.

До 1933 г. союзные органы юстиции имели ограниченные полномочия. Председатель Верховного Суда (далее – ВС) СССР А. Н. Винокуров неоднократно выступал за передачу управления судами в ведение ВС СССР. 24 июня 1929 г. было издано новое Положение о ВС СССР, которое расширяло его надзорные права. ВС СССР разъяснял общесоюзное законодательство, т. е. выполнял функцию наркомюстов республик на союзном уровне. В отношении верховных судов союзных республик ВС СССР давал толкование общесоюзного законодательства, опротестовывал перед Президиумом ЦИК СССР постановления Пленумов верховных судов союзных республик, противоречащие законодательству СССР [22, с. 256–258; 35, с. 79–88].

В. М. Сырых отмечал, что с марта 1933 г. началось охлаждение Сталина в отношении Крыленко. По его мнению, Сталина раздражали неумелые и неловкие попытки восхвалять вождя [39, с. 294–308, 317, 349–357]. Может быть сыграла свою роль новая политика «законности», которую активно продвигал А. Я. Вышинский и которой пассивно сопротивлялся Крыленко (по мнению П. Соломона) [37, с. 8–90]. В последнем случае Крыленко действовал крайне неповоротливо и не прислушивался чутко к запросам вождя. Также сказалась общая тенденция на укрепление и усиление центральных органов власти за счет республик.

Падение влияния наркома сказалось на полномочиях его ведомства. В 1933 г. была принята серия актов, существенно расширивших права ВС СССР и новой Прокуратуры СССР. Функции по надзору за соблюдением Конституции и союзных законов возлагались на Прокуратуру СССР. Она имела право приостанавливать исполнение всех приговоров и решений судов. В отношении прокуратур союзных республик Прокурор СССР осуществлял «общее руководство» (п. д. ст. 4 Положения 1933 г.). Положение изобиловало фразами: «как правило, через прокуроров союзных республик». Республиканские прокуратуры получали указания, подвергались проверке, направляли отчеты. Указания и распоряжения Прокурора СССР были обязательны для всех органов прокуратуры (ст. 10 Положения 1933 г.). Прокуроры союзных республик назначались и отзывались Прокурором СССР по согласованию с ЦИК республик (ст. 11). Военная, воднотранспортная и транспортная прокуратуры были напрямую подчинены Прокурору СССР.

Аналогичные функции получил ВС СССР. Он мог давать нижестоящим судам директивы по вопросам судебной практики, обследовал судебные органы республик, опротестовывал в Президиуме ЦИК постановления Пленумов верховных судов республик. В 1934 г. судебная надзорная коллегия ВС СССР получила право отменять и изменять постановления президиумов и Пленумов верховных судов союзных республик. Таким образом, ВС СССР получил право «общего руководства» в отношении нижестоящих судов. Организационные полномочия имели коллегии ВС СССР. Они могли выносить определения, влияющие на деятельность судов, проводили обследования, разрабатывали проекты актов, выносимые на Пленум [2, с. 123; 25, с. 511–513; 16, с. 44–45]. В этой связи странным является утверждение В. Н. Кудрявцева и А. И. Трусова о том, что создание Прокуратуры СССР преследовало цель «расчленив и максимально ослабить последний, еще оставшийся к тому времени в стране оплот «судебной власти» – Верховный Суд СССР» [23, с. 237–242]. Такое «ослабление» проходило при активном содействии довольных работников ВС СССР.

НКЮ республик сохранили право «оперативного управления» судами и прокуратурой. Республиканские прокуратуры и суды финансировались через НКЮ республик и подчинялись им же. Как отмечает П. Соломон: «С технической точки зрения, республиканские прокуратуры (а также и верховные суды республик. – А. К.) оказались в двойном подчинении, как по отношению к прокуратуре СССР, так и по отношению к республиканским наркоматам юстиции» [37, с. 68–90]. Такое двусмысленное положение могло быть выгодно Сталину. Он наблюдал за столкновением ведомств. Судя по всему, новый прокурор РСФСР В. А. Антонов-Овсенко и председатель ВС РСФСР Я. Л. Булат проводили линию Н. В. Крыленко. Многие решения Прокуратуры СССР и ВС СССР саботировались. Республиканские проку-

роры и председатели верховных судов не передавали приказы союзной прокуратуры областным и районным прокурорам и судам. А. Н. Винокурова раздражал надзор прокуратуры за судами, Крыленко протестовал против вмешательства ВС СССР и Прокуратуры СССР в деятельность его ведомства. Крыленко определил сокращение компетенции НКЮ как курс на ликвидацию наркоматов юстиции. Из-за сокращения штатов работа наркоматов была ослаблена. «Никакой серьезной работы проводить мы не могли. Функции НКЮ проводились либо прокуратурой, либо судом» (Крыленко). Впрочем, сам Николай Васильевич не раз менял свою точку зрения по вопросу компетенции НКЮ. Так, в феврале 1934 г. в записке членам Политбюро он предлагал ликвидировать НКЮ и передать его функции ВС СССР, Прокуратуре СССР и будущему НКВД СССР [3; 4].

Вышинский горячо выступал против подчинения прокуратуры НКЮ. «Нельзя противопоставлять общее руководство и оперативное управление. Где грань между тем и другим? При общем руководстве отсутствует право администрирования нижестоящими органами в части назначения и увольнения. Но частично это право есть и у Прокурора СССР» [2, с. 200–204; 37, с. 154–156]. По его мнению, указание закона на «общее руководство» не следует понимать как отказ от «оперативности». В конечном счете, Вышинский предлагал выделить прокуратуры из НКЮ и подчинить их Прокуратуре СССР. О том же (в отношении судов) мечтал и А. Н. Винокуров [1, с. 36].

В январе 1934 г. прошел XVII съезд ВКП (б). По решению съезда все государственные органы должны были начать перестройку системы аппарата с функциональной на производственно-территориальную. Особое внимание обращалось на улучшение кадрового состава и на проверку исполнения. План перестройки органов юстиции, разработанный в ВС СССР и Прокуратуре СССР, использовался для наступления на позиции Крыленко. Недостатков в его ведомстве было так много, что можно было критиковать, что угодно и рассчитывать на попадание. Наступление началось в марте 1934 г. на 46-м Пленуме Верховного Суда СССР. К Пленуму М. И. Васильев-Южин (заместитель председателя ВС СССР) подготовил доклад о работе надзорной тройки ВС СССР за 1933 г. Общий итог работы тройки отражал состояние уголовного процесса в СССР. Отмечалось исключительно плохое ведение предварительного следствия. Прокуратура не надзирала за следствием и утверждала безграмотные и тенденциозные обвинительные заключения. Этот материал судами не проверялся и раскрывался только в судебных заседаниях. Судьи невежественны и игнорируют законы. По его словам: «Указания или совсем не усваиваются, или проводятся с большим запозданием после ряда напоминаний и все-таки в извращенном виде» [6].

46-й Пленум наметил программу перестройки судебной системы в соответствии с решениями партсъезда. Предлагалось организовать судебные коллегии вместо кассационных. Коллегии предполагалось разбить на сектора (эта реформа была проведена). Секторы разбить на группы по экономическому признаку (зерновые, хлопковые и т. д.). В народных судах предполагалось образовать специализированные камеры (это было реализовано) и кассационные присутствия. Облсуды и верховные суды союзных республик должны были включать президиум (надзорный орган) и пленум (руководящий орган). Права Пленума Верховного суда СССР должны были быть расширены и в его состав включены члены ВС союзных республик, представители ряда ведомств (кроме НКЮ).

Реализация производственного принципа в прокуратуре привела к ликвидации общего и судебного надзоров (по резолюции первого судебного-прокурорского совещания судебно-прокурорских работников в 1934 г. и по приказу И. А. Акулова). Взамен появился надзор сельскохозяйственный, промышленный, кооперативный и т. д. К примеру, Московская областная прокуратура была разбита на 4 «зоны» – зерновая, молочно-животноводческая, лесной промышленности и тяжелой промышленности. Во главе зоны стоял помощник прокурора. Прокуратура СССР была разделена на отделы, или сектора: промышленный, по делам водного транспорта, сельскохозяйственный, торговли и кооперации, социально-культурный,

бытовой, по спецделам и т. д. Можно согласиться со словами наркома юстиции УССР М. В. Михайлика: «производственно-территориальный принцип привел к виногрету» [12; 13; 14; 19, с. 36–37; 27, л. 136–138]. Такой же «виногрет» происходил и в судебной системе. Вместо единых судебно-кассационных коллегий были созданы отделы, или «зоны». Количество коллегий определялось произвольно (например, в Московской области было создано 9 коллегий!). В отношении судьбы НКЮ в постановлении 46-го Пленума было сказано: «НКЮ Союза политически нецелесообразен. Нельзя верховный судебный орган Союза подчинять административному органу – НКЮ. НКЮ союзных республик сыграли свою роль и становятся, по крайней мере, в судебно-организационном отношении, не нужными» [6; 13].

29 марта 1934 г. было принято постановление Политбюро «О судах и прокуратуре», которое санкционировало начало реформ в системе органов юстиции. В том числе в постановлении было сказано, что «вопрос о существовании НКЮ не подлежит дискуссии». 23–27 апреля состоялось первое (и последнее) всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников под председательством И. А. Акулова. На совещании все его участники выступали против мер, проводимых Крыленко в начале 30-х годов. Оценки различались от осторожных: «организационное руководство отстало от политического» (А. Н. Винокуров) до резких: «за эти годы мы не сделали ни один шаг вперед» (Вышинский). Некоторые враги Крыленко (А. А. Сольц) крайне резко выступили против наркома. Ответный доклад Крыленко был путанным и неопределенным, он был растерян. В то же время участники совещания от РСФСР поддержали позиции Крыленко. Например, между Вышинским и Я. Л. Булатом возник спор о подчинении следствия суду или прокуратуре. Вышинский просто смешал функции обвинения и следствия. Подчинение следствия кому-либо кроме прокуратуры он называл «нелепостью». Впоследствии эта дискуссия неоднократно возобновлялась. Резолюция совещания почти дословно воспроизводила доклад Вышинского. Предлагалось восстановить распорядительные заседания суда, правовое образование, адвокатуру и судебное исполнение, прекратить разрушение процесса и заняться разработкой союзных кодексов. Большинство из этих идей высказывали юристы и до Вышинского. Теперь же они постепенно стали как бы идеями Вышинского, а впоследствии были им прямо присвоены [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 19, с. 38–41; 25, с. 513; 30, с. 23–26; 37, с. 156–159].

Тандем Вышинский – Винокуров сразу после совещания предпринял наступление на наркоматы юстиции республик. Весной 1934 г. ВС СССР обследовал УССР и БССР. Накануне было арестовано несколько коррумпированных чиновников НКЮ УССР. На 47-м Пленуме Верховного суда СССР В. П. Антонов-Саратовский (председатель уголовно-судебной коллегии) выступил с резкой речью в адрес органов юстиции Украины. В этой республике было решено опробовать модель управления верховным судом союзной республики без участия НКЮ. Пленум принял ряд важных решений, предложенных Вышинским: восстановить распорядительные заседания, протоколы судебных заседаний, прекратить произвольное уменьшение числа свидетелей, составлять нормальные судебные определения. С этого времени ВС СССР вмешивался во все сферы деятельности судебных органов союзных республик, вызывал председателей верховных судов, командовал, распоряжался [7].

10 июля 1934 г. было принято постановление Политбюро о работе судов и прокуратуры. Дела о государственных преступлениях изымались из компетенции ОГПУ и передавались в военные трибуналы и в новые специальные коллегии в составе областных и верховных судов. Судебно-надзорная тройка ВС СССР превращалась в судебно-надзорную коллегию (далее – СНК ВС СССР). Она окончательно стала высшим надзорным органом судебной системы. Было признано нецелесообразным выделение прокуратур из состава наркомюстов. Прокурор республики не мог занимать по совместительству должности наркома или его заместителя.

Для дополнительного контроля над юстицией была создана политкомиссия ЦК ВКП(б). Она должна была утверждать все приговоры судебных органов о ВМСЗ. От судебно-над-

зорной коллегии Верховного суда СССР их вносил А. Н. Винокуров, от верховных судов республик ВС СССР (тоже Винокуров) и только от Верховного суда РСФСР Крыленко. Так подтверждалось значение А. Н. Винокурова и Крыленко. Постановление также предполагало провести массовый набор в органы юстиции. Вскоре в аппарате ЦК был восстановлен административно-политический отдел, возглавляемый И. А. Пятницким. В составе отдела был создан сектор судебно-прокурорских кадров во главе с бывшим судьей ВС СССР С. Д. Дрыншевым. Одной из основных функций отдела был учет и подбор кадров правоохранительных органов. Наркомы юстиции, председатели верховных судов и прокуроры выдвигали своих людей на руководящие должности в своих аппаратах, начиная от председателя областного суда и облпрокурора и выше (предварительно эти кандидатуры проходили процедуру утверждения в местных республиканских или областных партийных органах). После проработки кандидатуры в административно-политическом отделе и в орграспредотделе материалы поступали в Оргбюро ЦК, которое и производило назначение. Высшие руководители (наркомы юстиции, председатели верховных судов, прокуроры республик) утверждались на Политбюро. Затем кандидатуры формально утверждались советскими органами власти. Впрочем, стройная система назначения не сложилась. Аппарат ЦК рассматривал представления крайне медленно, и рекомендованные лица фактически назначались их непосредственными начальниками, иногда на многие годы.

В 1934 г. была создана комиссия ЦИК СССР под руководством А. С. Енукидзе, в составе И. А. Акулова, Г. Ягоды, А. Н. Винокурова, А. Я. Вышинского, Н. В. Крыленко, Прокофьева (представитель НКВД), А. М. Назаретяна (член коллегии КСК СССР, руководитель отдела по проверке административно-политических органов), Д. А. Булатова (член коллегии КПК ЦК ВКП(б)), руководитель группы по проверке административно-советских органов), Я. Л. Булата, Е. Б. Пашуканиса, М. А. Волкова (представитель НКВД). Комиссия должна была разработать УК СССР, УПК СССР и положение о судоустройстве за 2 месяца (работа растянулась на годы) [38, с. 64–65; 37].

Одновременно в секретной резолюции Политбюро было высказано пожелание о выведении прокуратуры из состава НКЮ. 1 августа состоялось совещание при ЦК работников прокуратуры с участием Кагановича, Молотова, Акулова, Антонова-Овсеенко, Крыленко, Вышинского, М. И. Калинина, М. В. Михайлика и др. На совещании члены ЦК фактически поощряли конфликт. С одной стороны, Л. М. Каганович заявил, что «Верховный Суд – не орган организационного построения, это орган судебный». С другой стороны, В. М. Молотов, подводя итог совещания, предложил участникам подождать решения ЦК: «Мы рассмотрим взаимоотношения между тремя органами» [27, л. 54; 37, с. 159–160, 165; 31].

В апреле 1934 г. было принято решение о выделении Управления исправительно-трудовых учреждений (УИТУ) из системы НКЮ и о передаче их в ОГПУ-НКВД. Формально передача объяснялась расхищением средств, выделяемых на УИТУ. Так, НКЮ УССР за 1,5 года израсходовал свыше 10 млн руб. УИТУ на командировки, жилье, дополнительные штаты, дополнительную заработную плату. В РСФСР средства УИТУ использовались на строительство зданий судов, прокуратуры, общежитий, учебных заведений и на их обслуживание. Все расходы отражались в учете как расходы самого УИТУ. Места заключения находились в катастрофическом состоянии. В апреле комиссия по ИТУ (Акулов, Крыленко, Ягода) составила заключение. Позиции Ягоды и Крыленко по передаче всех учреждений ИТУ в НКВД менялась несколько раз. Один нарком хотел сбросить запущенное хозяйство, а другой не хотел его принять по той же причине. Крыленко стремился избавиться от УИТУ, так как «погрел руки» на нем. По данным ревизора КСК СССР Землячки Розалии Самойловны и заместителя председателя КСК Зиновия Беленького (ревизия НКЮ СССР произошла в 1938 г. и приводимые данные нуждаются в перепроверке), нарком открыл спецсчет, на который переводил средства ГУИТУ, а с него на 7 сберкнижек, принадлежащих ему лично. В 1929–1937 гг. он снял с них 300 тыс. рублей и к моменту его ареста на них оставалось 3,6 млн руб. Против

передачи УИТУ выступил новый нарком юстиции УССР М. В. Михайлик. На одном из совещаний он пытался выяснить у участников, чем же скоро будут заниматься НКЮ? Вопрос был вполне правомерен, так как в НКЮ РСФСР в 1934 г. было ликвидировано оргинструкторское управление. На Украине в марте 1934 г. по постановлению ВУЦИК и СНК УССР были расширены права ВС УССР и областных судов. Верховный суд УССР стал органом непосредственного руководства судами и толкования судебной практики, т. е. было нормативно закреплено положение, которое в РСФСР существовало фактически. НКЮ УССР управлял судами через Верховный суд УССР. С июня 1935 г. расширяются права Президиума ВС УССР, который получил право пересматривать, изменять и отменять приговоры и постановления коллегий облсудов. Его решения мог опротестовать только Генеральный прокурор УССР в президиум ВУЦИК [21, с. 407–409; 22, с. 258; 25, с. 544–545, 548; 7, л. 1; 11; 12; 15; 16; 17; 38; 39].

В Верховном суде СССР были разработаны проекты положений о судоустройстве, государственном нотариате, коллегиях защитников и УПК СССР. Главный вклад внесли В. П. Антонов-Саратовский и М. И. Васильев-Южин. На 49-м Пленуме Верховного Суда в декабре 1934 г. проекты были утверждены и направлены в комиссию ЦИК. Проект положения о судоустройстве провозглашал единство судебной системы. В соответствии с производственно-территориальным принципом внутри коллегий образовывались экономические сектора, вводились воднотранспортные суды, ликвидировались пленумы в судах (кроме ВС СССР). Вместо пленумов вводились бы производственные совещания и президиумы. По другому проекту пленумы предлагали сохранить. Председатели верховных судов союзных республик должны были войти в Пленум ВС СССР. ВС СССР определялся как руководящий, надзорный и контрольный орган судебной системы. Его разъяснения являлись обязательными. Судебно-надзорная коллегия Верховного Суда СССР осуществляла бы судебный надзор над всеми судебными органами СССР и имела право отмены или изменения постановлений, определений, решений и приговоров всех судебных органов. НКЮ объявлялись органами «общего руководства и надзора за судами». Они могли опротестовать любой приговор или решение, вынесенное судом республики, ревизовали, инструктировали и организовывали работу органов юстиции, то есть их полномочия по-прежнему не были разграничены, что создавало почву для дальнейшей борьбы [1, с. 35–38; 5; 34].

Сталин создал условия для борьбы ведомств юстиции за полномочия. В ходе этой борьбы должны были победить беспринципные политики. Хотя структура и полномочия органов юстиции мало волновали руководство партии, другие вопросы (эффективность репрессий) были для них очень важны. По крайней мере, рациональный подход к построению структуры правоохранительных органов отсутствовал. Сталин по своей бюрократической привычке периодически переделывал систему, передавая различные подразделения в разные ведомства. В итоге получались фантастические конструкции.

Литература

1. Винокуров А. К вопросу о новом положении, о судоустройстве Союза ССР и союзных республик // За социалистическую законность. 1935. № 1. С. 36.
2. Вышинский А. Я. Судоустройство в СССР М., 1936. 132 с.
3. ГАРФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 9, л. 8–10.
4. ГАРФ, ф. А-428, оп. 3, д. 6, л. 18.
5. ГАРФ, ф. Р-9474, оп. 1, д. 78, л. 61.
6. ГАРФ, ф. Р-9474, оп. 1, д. 81, л. 5–41.
7. ГАРФ, ф. Р-9474, оп. 1, д. 82, л. 115–128.
8. ГАРФ, ф. Р-8131, оп. 37, д. 37, л. 1–68.
9. ГАРФ, ф. Р-8131, оп. 37, д. 38, л. 1–143.
10. ГАРФ, ф. Р-8131, оп. 37, д. 39, л. 1–115.

11. ГАРФ, ф. Р-8131, оп. 37, д. 41, л. 1–108.
12. ГАРФ, ф. Р-8131, оп. 37, д. 42, л. 1–94.
13. ГАРФ, ф. Р-8131, оп. 37, д. 43, л. 1–56.
14. ГАРФ, ф. Р-8131, оп. 37, д. 44, л. 1–22.
15. ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 16а, д. 1359, л. 154–242.
16. ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 22а, д. 185, л. 1–51.
17. ГАРФ, ф. Р-7511, оп. 1, д. 79, л. 2–3, 52–65.
18. ГАРФ, ф. Р-7511, оп. 10, д. 8, л. 12–13.
19. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Прокуроры двух эпох. Андрей Вышинский и Роман Руденко. М. : Олма-Пресс, 2001. 314 с.
20. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг. : сб. докл. М. : Госюриздат, 1955. 616 с.
21. История государства и права УССР. Киев : Наук. думка, 1976. 588 с.
22. Кожевников М. В. История советского суда. М. : Госюриздат, 1957. 514 с.
23. Кудрявцев В. Н., Трусов А. И. Политическая юстиция в СССР. ЮридЦентрПресс, 2002. 418 с.
24. Лезов Л. И. Советский суд в 1917–1940 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 189 с.
25. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. М. : Демократия, 2003. 620 с.
26. Мироненко А. Н., Бенько А. П. Карательные органы на Украине в середине 30-х годов XX столетия. Киев, 1993. 30 с.
27. Олейник О. Ю. Организационно-правовые основы функционирования системы Наркомюста РСФСР в 1929–1936 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 212 с.
28. Олейник И. И. Становление и развитие органов управления советской юстицией в 1917–1936 гг. // История государства и права. 2009. № 22. С. 23–26.
29. Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 3.09.1934 г. // Сов. юстиция. 1934. № 27. С. 20–21.
30. 1-е Всесоюзное совещание судебно-прокурорских работников // Сов. юстиция. 1934. № 13. С. 2–34.
31. РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 948, л. 33, 38, 95–98.
32. РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 47, л. 1–154.
33. РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 892, л. 40–41.
34. РГАСПИ, ф. 667, оп. 1, д. 13, л. 1–27.
35. Скоморохов П. Верховный суд СССР в годы социалистического переустройства страны // Верховному Суду СССР – 40 лет. : сб. ст. М., 1965. С. 79–88.
36. Смоленцев Е. А. Верховный суд Союза ССР и Верховные суды союзных республик // Высший судебный орган СССР. М. : Юрид. лит., 1984. С. 44–45.
37. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М. : РОССПЭН, 1998. 464 с.
38. Сталинское Политбюро в 30-е годы. : сб. док. М. : АИРО-XX, 1995. 511 с.
39. Сырых В. М. Н. В. Крыленко – идеолог советского правосудия. М. : Рос. акад. правосудия, 2003. 423 с.
40. Хаски Ю. Российские адвокаты и советское государство: происхождение и развитие советской адвокатуры. 1917–1939. М. : ИГП РАН, 1993. 289 с.